

І О Н Ъ.

І О Н Ъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Между сочиненіями Платона есть діалогъ, озаглавленный именемъ современнаго Сократу рапсодиста, называвшагося Иономъ. Этотъ діалогъ такъ коротокъ и въ своемъ содержаніи такъ не разнообразенъ, что не было бы нужды и предварять его критическимъ разсужденіемъ, еслибы мы не имѣли въ виду нѣкоторыхъ противорѣчущихъ мнѣній, высказанныхъ филологами относительно его достоинства и подлинности. Такъ, Шлейермахеръ полагаетъ, что Іонъ имѣетъ значеніе только прибавленія или эпилога къ Платонову Федру, и что въ немъ нѣтъ ничего Платоновскаго, кромѣ сравненія поэтическаго восторга съ магнитомъ. Почти то же, только съ большею рѣшительностію, говоритъ Асть: по его мнѣнію, писатель Іона, воспользовавшись нѣсколькими худо понятыми имъ мѣстами Федра (напр., на стр. 245 А) и Ксенофонта (Sympos. III, 6. Мемог. IV, 2, 10), взялъ ихъ мысли за тему своего сочиненія и эту тему раскрылъ съ дѣтскою неопытностію. Но иначе смотрѣлъ на Іона Зохеръ. Онъ не сомнѣвался въ подлинности этого діалога и видѣлъ двоякую цѣль его изложенія: по его словамъ, Платонъ въ своемъ Іонѣ, во-первыхъ, хотѣлъ доказать, что поэты и ихъ любители чужды мудрости и не имѣютъ собственно такъ называемаго (философскаго) знанія; во-вторыхъ, предположилъ обнаружить ничтожество рапсодистовъ, комедіантовъ и другихъ подобныхъ имъ людей, — въ той мысли, что

они, распространяя превратныя понятія и расположенія въ народѣ, были косвенными причинами смерти Сократовой. Еще иначе намѣреніе Платона при изложеніи этой бесѣды опредѣляется Нитшемъ, по мнѣнію котораго, Платонъ въ своемъ Юнѣ хотѣлъ доказать, что друзья поэтовъ и рапсодистовъ, слушая ихъ, не принимаютъ въ себя ничего, кромѣ яда, отравляющаго ихъ души страстями, и что истинное искусство и знаніе приобрѣтается только путемъ философскаго размышленія, а не слѣпымъ раздраженіемъ душевныхъ силъ. Такимъ образомъ основную мысль Юна Нитшъ поставляетъ въ непосредственную связь съ ученіемъ Платона, изложеннымъ въ его Государствѣ (I. X, р. 598. С. D): но не такой взглядъ на Юна виденъ у Штальбома. Нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что Юнъ принадлежитъ Платону, онъ главнымъ побужденіемъ къ изложенію этого діалога почитаетъ желаніе научить, что родъ энтузіазма, или восторга, возбуждаемаго не внутреннимъ движеніемъ души, а внѣшнимъ вліяніемъ поэтической гармоніи, подъ которымъ находятся рапсодисты, происходитъ не отъ знанія искусства, а отъ случайнаго расположенія, и однакожь ведетъ къ притязанію мудрости, какъ будто восторгающійся такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ точнымъ и тонкимъ знаніемъ тѣхъ вещей, о которыхъ рапсодируетъ по твореніямъ поэтовъ. А отсюда, по намѣренію философа, должно вытекать заключеніе, что этому, внѣшно возбуждаемому энтузіазму надобно приписывать немного цѣны. Но такъ какъ Платонъ почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ философское ученіе объ извѣстномъ предметѣ обыкновенно соединяетъ съ ироніею, направленною противъ современниковъ, непонимающихъ природы того предмета; то и въ Юнѣ онъ дѣлаетъ то же самое, то-есть не только опредѣляетъ значеніе внѣшно возбуждаемаго энтузіазма, но и затрогиваетъ своею ироніею самохвальство и тщеславіе рапсодистовъ. Поэтому, намѣреніе Платона, при изложеніи Юна, выразилось двояко—внутренно и внѣшно, и оба эти выраженія такъ тѣсно соединены между собою, что одно не можетъ быть отдѣлено отъ другаго. Съ такимъ взгля-

домъ Штальбома на этотъ діалогъ не имѣемъ причины не согласиться и мы.

Іонъ яено дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ первая идетъ отъ начала до стр. 526 Е, а вторая—отъ этой страницы до конца діалога. Въ первой части раскрывается та главная мысль, что всѣ поэты даромъ творчества обязаны не знанію искусства или науки, а божественному воодушевленію, и творятъ не сознательно—силою своего ума, а страдательно, какъ бы одержимые музами, поэтому и называются истолкователями воли боговъ. Подъ вліяніемъ такого же обаянія или одушевленія декламируютъ и рапсодисты; только они бывають одержимы не музами, а каждый тѣмъ поэтомъ, который напелъ въ немъ свой органъ и своими твореніями приводитъ его въ состояніе восторга. Поэтому, какъ поэты истолковываютъ волю боговъ: такъ рапсодисты бывають истолкователями мыслей и чувствованій, высказываемыхъ поэтами, а своимъ собственнымъ знаніемъ и умомъ не обнимають тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорятъ, и рапсодируютъ только какъ изступленные. Эта послѣдняя мысль Сократа показалась обидною для самолюбія Іона, и потому заставила собесѣдниковъ изслѣдовать, на знаніи ли и на какомъ знаніи основывается искусство рапсодиста. Рѣшеніемъ новаго, возбужденнаго теперь, вопроса занимается вторая часть діалога. Въ ней полагається, что любимый поэтъ Іона, Омиръ, говоритъ о разныхъ предметахъ, напримѣръ, объ управленіи колесницами, объ употребленіи лекарствъ, о вожденіи кораблей, о командованіи войскомъ: но всѣ эти дѣйствія болѣе извѣстны кучерамъ, врачамъ, кормчимъ, военачальникамъ, чѣмъ рапсодисту; слѣдовательно, рапсодистъ не знаетъ того, что рапсодируетъ изъ Омира. Іонъ соглашается; но чтобы указать въ Омирѣ предметъ, который былъ бы коротко знакомъ и рапсодисту, усвоить ему полное знаніе науки военачальничества, и такимъ образомъ, отвѣчая на вопросы Сократа, приходитъ къ нелѣпому заключенію, что отличный рапсодистъ есть превосходный генералъ.

Имѣлъ ли Сократъ какую-нибудь причину преслѣдовать свою иронією рапсодистовъ?—Если предположимъ, что рапсодисты въ Греціи были то же, что на сѣверѣ у насъ древніе барды; то надлежало бы, повидимому, не преслѣдовать ихъ, а одобрять, какъ людей, съ благодарностію припоминавшихъ подвиги отечественныхъ героевъ и описывавшихъ доблести ихъ, въ образецъ для подражанія позднѣйшему потомству. Но греческихъ рапсодистовъ Сократова времени нельзя сравнивать съ сѣверными бардами. По изслѣдованіямъ Дрейсига (*Comment. critic. de Rhapsodis, Lips. 1734*) и Вольфа (*Prolegg. ad Hom. XCIX sqq.*), эти люди старались соединить въ своемъ лицѣ не только роли рассказчиковъ и комедіантовъ, но и комментаторовъ того поэта, котораго рапсодировали. Они обыкновенно отличались пестротою и театральною вычурностію наряда, по которой надлежало смотрѣть на нихъ больше какъ на шутовъ и балаганныхъ паяцовъ, чѣмъ какъ на декламаторовъ великихъ произведеній поэтическаго воодушевленія. Они свои декламаціи почти всегда соединяли съ дѣйствіями и, дѣйствуя, приходили въ изступленіе. Главною ихъ цѣлью было произвести сколько можно больше эффекта и потрясти души слушателей. Въ этомъ случаѣ мѣрою истины были не мысли и чувствованія поэта, а умственное и нравственное настроеніе рапсодиста, подъ вліяніемъ котораго онъ истолковывалъ своего вдохновителя иногда вовсе несогласно съ требованіями творческой его фантазіи. Между тѣмъ навыкъ рассказывать о всемъ, что воспѣваемо было поэтомъ, вкоренялъ въ немъ увѣренность, что онъ дѣйствительно знаетъ то, о чемъ рассказываетъ, и отсюда переводилъ его къ смѣшному притязанію на мудрость. Общество образованное, конечно, и тогда смѣялось надъ фарсами и лицедѣйствомъ рапсодистовъ, и на пиршествахъ замѣняло ихъ простыми чтецами поэтическихъ произведеній; но аѣинская толпа нерѣдко увлекалась ихъ изступленіемъ и, при тогдашней формѣ правленія, могла быть незамѣтно направляема къ извѣстной цѣли. Все это достаточно, кажется, оправдываетъ Платона, что онъ избралъ такую

тому для бесѣды Сократа съ рапсодистомъ. Сократъ въ Ionѣ отнюдь не порицаетъ истиннаго поэтическаго воодушевленія, а только доказываетъ, что оно внушается музами и потому зависитъ не отъ знанія, что оно состоитъ въ свободномъ стремленіи души къ предмету и никому недоступно, кромѣ того, чья нѣжная и дѣвственная душа проникается божественнымъ (Phaedr. p. 245 A). Но внѣшно возбуждаемый восторгъ рапсодистовъ столько же заслуживалъ порицаніе, сколько изступленіе кориваятовъ и вакханогъ. Поэтому легко понять, отчего Сократъ и его ученики къ рапсодистамъ постоянно выражали презрѣніе. Свидѣтельство объ этомъ мы находимъ и у Ксенофонта (Memor. IV, 2, 10), гдѣ сынъ Софрониска говоритъ такъ: οἷδα τὰ μὲν ἔπη ἀκριβοῦντας, αὐτοὺς δὲ πάνυ ἠλιθίους ὄντας. Съ этимъ согласно и то, что читается въ Ксенофоновомъ Симпосіонѣ — III, 5, гдѣ Антисѣень спрашиваетъ Никерата: οἷσθα τι οὖν ἔθνος ἠλιθιώτερον ῥαψωδῶν; а тотъ отвѣчаетъ: οὐ μὰ τὸν Δία, οὔκου ἔμοιγε δοκεῖ.

Теперь можно еще предложить себѣ вопросъ: въ какое время Платонъ написалъ разговоръ, озаглавленный именемъ Иона. Определенно отвѣчать на это, конечно, нельзя; однакожъ, принимая въ соображеніе, съ одной стороны, форму и содержаніе діалога, съ другой, тогдашнее отношеніе поэтовъ, ораторовъ и рапсодистовъ къ Сократу, можно, по крайней мѣрѣ приблизительно, указать на время появленія Иона. Эти соображенія позволяютъ полагать, что Ionъ написанъ Платономъ еще при жизни Сократа, когда первый былъ слушателемъ послѣдняго и видѣлъ, какая сильная вражда возставала противъ его учителя со стороны тогдашнихъ личностей, занимавшихся литературою, но неполучившихъ философскаго образованія, надмеваемыхъ гордостію софистическаго многознанія и невыносившихъ тонкой Сократовой ироніи. Во-первыхъ, надобно замѣтить, что въ Ionѣ нѣтъ ничего такого, что свидѣтельствоvalo бы о широкомъ развитіи науки, какое видно въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Платона: здѣсь, напротивъ, все такъ просто, такъ осязательно, что въ писателѣ тотчасъ видишь Сокра-

това воспитанника, заимствующаго свои изображенія прямо изъ вседневной жизни. Даже и мысли о поэтическомъ и рапсодическомъ восторгѣ не поднимаются выше понятія древнихъ Грековъ и находятся въ такой тѣсной связи съ ученіемъ Сократа объ этомъ предметѣ, что можно почитать ихъ вполне Сократовыми. Поэтому мнѣніе Шлейермахера, что на Іона надобно смотрѣть, какъ на прибавленіе къ Федру, кажется весьма страннымъ. Вѣдь еслибы это сколько-нибудь походило на правду; то въ Іонѣ мы должны были бы найти больше содержанія и больше углубленія въ предметъ изслѣдываемый: между Федромъ и Іономъ, въ матеріальномъ отношеніи и въ философскомъ взглядѣ, такое же различіе, какое—между возрастнымъ, особенно крѣпкимъ человѣкомъ, и неполнѣ созрѣвшимъ, хотя способнымъ юношею. На тотъ же періодъ Платоновой жизни указываетъ и форма разсматриваемаго діалога. Въ этомъ діалогѣ далеко нѣтъ еще той искусственности плана, той поступи и заманчивости наведенія, той тонкой и чарующей ироніи, какая непрестанно встрѣчается въ произведеніяхъ Платона, написанныхъ въ позднѣйшую пору его жизни. Здѣсь господствуетъ больше наивность и такая простота, какою Ксенофонтъ въ своихъ запискахъ характеризуетъ самого Сократа, и только уподобленіе воодушевленія магниту позволяетъ предвидѣть въ Платонѣ возвышенность и зоркость будущаго философа. Что Платонъ написалъ Іона еще въ ранней молодости, когда посѣщалъ школу Сократа, это нисколько не удивительно. Мы уже имѣли случаи говорить, что въ тотъ періодъ его жизни написаны имъ, кромѣ Іона, и нѣкоторые другіе разговоры, какъ-то Менонъ, Эвтифронъ, Лизисъ, — всѣ они направлены къ защитѣ Сократа отъ тѣхъ обвиненій, которыми тогда начинали преслѣдовать его: только эта защита обнаруживала характеръ апагогическій, то-есть доказывалось, что обвинители великаго философа — люди несмысленные, невѣжды, поставляющіе внѣшній и личный свой интересъ выше истинъ общечеловѣческихъ, которыхъ органомъ и проповѣдникомъ былъ Сократъ. Такъ, на примѣръ, извѣст-

но, что Эвтифронъ написанъ для обличенія лживыхъ провѣщателей въ томъ, что они, обвиняя Сократа въ неблагочестіи, сами не знаютъ, что такое—благочестіе; въ Менонѣ же доказывается, что софисты и политики, обвинявшіе Сократа въ развращеніи юношества, общественные свои приговоры износятъ не изъ основаній науки или искусства, которыхъ вовсе не знаютъ, а дѣлаютъ ихъ слѣпо, увлекаясь безотчетнымъ стремленіемъ ума, или самоувѣренно указывая на божественный, дарованный себѣ жребій. Итакъ, эти діалоги съ тою же цѣлію направлены противъ провѣщателей, софистовъ и политиковъ, съ какою Іонъ—противъ рапсоdistовъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И ІОНЪ.

530. *Сократъ.* Здравствуй, Іонъ! Откуда ты теперь къ намъ пріѣхалъ ¹? Не съ родины ли—изъ Ефеса ²?

Іонъ. Совсѣмъ нѣтъ, Сократъ; изъ Епидавра, съ асклепіадъ ³.

Сокр. Такъ вотъ, Епидавряне въ честь бога установили и состязаніе въ пѣніи?

Іонъ. Конечно; да и въ прочей музыкѣ.

Сокр. Ну что же? состязался? каково совершилъ подвигъ?

Іонъ. Получили первую награду, Сократъ.

В. *Сокр.* Хорошо; давай же, какъ-нибудь одержимъ побѣду и на панаѳинейхъ ⁴.

¹ *Откуда ты теперь къ намъ пріѣхалъ?* Πότεν τὰ νῦν ἡμῖν ἐπίδημηκας; τὰ νῦν — форма времени, опредѣляемая вопросомъ *когда*, слѣдовательно однозначна-менательная съ выраженіемъ ἐν τῷ νῦν. Дательный ἡμῖν въ разговорномъ языкѣ Платонъ часто употребляетъ вмѣсто *πρός ἡμᾶς*. Phaedr. p. 257 C. Resp. I, p. 343 A. Lysid. p. 208 D.

² *Не съ родины ли—изъ Ефеса?* Іону, какъ декламатору Омира, естественно было происходить изъ іонійскаго города Ефеса, потому что Іоняне особенно расположены были къ слушанію рапсоdistовъ, которыхъ въ этой греческой области находилось очень много.

³ Городъ Епидавръ находился въ Арголидѣ и извѣстенъ былъ, между прочимъ, по отправлявшемуся въ немъ въ честь Эскулапа празднику, который, ради своей торжественности, назывался *μεγάλα ἀσκληπέια*, или также *μεγάλα ἀσκληπέια*. На этомъ праздникѣ Греки преимущественно любили состязаться въ музыкѣ. Spreng. Geschichte d. Medicin. I, p. 180 sqq.

⁴ Съ этого поворота бесѣды начинаютъ уже обрисовываться тщесловіе рапсоdistа и иронія Сократа. Іонъ въ своемъ отвѣтѣ весьма выразительно употребляетъ множественное число вмѣсто единственнаго: *получили* первую награду, Сократъ; а Сократъ, поддѣлываясь подъ тонъ его хвастливости,

Юнъ. Да, это, при помощи божіей, сбудется.

Сокр. А вѣдь я, ради вашего искусства, Юнъ, часто завидовалъ вамъ, рапсодистамъ. Да и можно ли не завидовать? По его требованію, и тѣло-то ваше всегда разукрашено,—отчего вы кажетесь весьма красивыми,—и рождается необходимость заниматься какъ многими другими хорошими поэтами, такъ особенно ¹ Омиромъ, превосходнѣйшимъ и божественнѣйшимъ изъ нихъ, и изучать его мысль, а не одни стихи. Вѣдь ужъ ^{С.} вѣрно нѣтъ рапсодиста, который бы не понималъ, что говоритъ поэтъ. Рапсодистъ - то вѣдь для слушателей долженъ быть истолкователемъ мыслей поэта; но дѣлать это хорошо нельзя, когда не знаешь, о чемъ у него рѣчь. Итакъ, все такое достойно зависти.

Юнъ. Ты правду говоришь. По крайней мѣрѣ меня съ этой стороны искусство занимало весьма много, и я думаю, что могу превосходить всѣхъ бесѣдовать объ Омирѣ; такъ что ни Митродоръ лампсакскій, ни Стизимвротъ еасійскій, ни Главконъ ², и вообще, никто изъ людей, когда-либо существовавшихъ, не въ состояніи высказать мыслей Омира столь многихъ и столь прекрасныхъ, какія высказываю я. ^{D.}

самъ говоритъ въ множественномъ числѣ: давай же, какъ-нибудь *одержимъ побѣду* и на панаэнеяхъ. *Панаэнеями* назывался торжественный праздникъ, совершавшійся въ Аеинахъ чрезъ каждыя пять лѣтъ: на немъ постановлено было между прочимъ допускать къ состязанію рапсодистовъ, особенно же декламаторовъ твореній Омировыхъ. *Lycurg. adv. Leocrat. c. 26, p. 209. Isocrat. Panegyг. c. 42.*

¹ Такъ особенно *Омиромъ* — *καὶ δὴ καὶ μάλιστα ἐν Ομήρῳ*. Выраженіе *καὶ δὴ καὶ μάλιστα*, употребляемое вмѣсто *οὕτω καὶ μάλιστα*, встрѣчается у Платона весьма часто. См. *Phaed. p. 112 E. Polit. p. 268 E, p. 270 C. Sophist. p. 216 A, p. 242 A alib.* Поэтому невѣроятно мнѣніе Геккія (*De similitate, quae Platoni et Xenophonti interest, p. 20*), будто это мѣсто Платонъ взялъ дѣлкомъ изъ Ксенофонта Симпосіона С. III, § 6.

² Платонъ не безъ дѣли заставляетъ юна сравнивать себя съ Митродоромъ лампсакскимъ, Стизимвротомъ еасійскимъ и Главкономъ. Первые два въ такомъ совершенствѣ высказывали, говорятъ, и раскрывали мысли Омира, что повѣствованія его превращали въ аллегоріи. *Lobesck. Aglaorph. T. I, p. 155 sqq. Wolff. Proleg. CLXI.* Поэтому въ Ксенофоновомъ Симпосіонѣ Сократъ противоположаетъ Стизимврота рапсодистамъ неученымъ. Что же касается до Главкона, то это, вѣроятно, былъ Регіецъ, написавшій книгу *περὶ ποιητῶν. Sydenham. De script. Hist. Phil. I, 2, 4.*

Сокр. Ты хорошо говоришь, Юнъ, и вѣдь явно, что не откажешься доказать мнѣ это.

Юнъ. Да и стоитъ-таки послушать, Сократъ, какъ хорошо я украшаю Омира. Мнѣ кажется, стоило бы Омиристамъ ¹ увѣнчать меня золотымъ вѣнкомъ.

Сокр. Но я буду еще имѣть время слушать тебя. Теперь
531. отвѣчай-ка мнѣ вотъ на что: только ли въ Омирѣ силенъ ты, или и въ Исїодѣ, и въ Архилохѣ ².

Юнъ. Нѣтъ, только въ Омирѣ: для меня онъ кажется достаточнымъ.

Сокр. А есть ли что-нибудь, о чемъ Омиръ и Исїодъ говорятъ одно и то же?

Юнъ. Я думаю, и много такихъ вещей.

Сокр. Такъ объ этомъ ты лучше рассказываешь по Омिरю, чѣмъ по Исїоду?

Юнъ. О томъ-то, Сократъ, одинаково, о чемъ они говорятъ то же самое.

В. *Сокр.* Ну, а о чемъ говорятъ они не то же самое? Напримѣръ, о прорицаніи говоритъ нѣчто и Омиръ, и Исїодъ.

Юнъ. Конечно.

Сокр. Что же? Ты ли превосходнѣе расскажешь, или кто-нибудь изъ лучшихъ прорицателей, что именно эти поэты говорятъ о прорицаніи одинаково, и что различно?

Юнъ. Кто-нибудь изъ прорицателей.

¹ Подъ именемъ Омиридовъ или Омиристовъ у Грековъ, безъ сомнѣнія, понимаемы были хвалители мудрости Омира, на котораго творенія они смотрѣли, какъ на законодательное начало религіи, политики и философіи; поэтому, кто лучше и изящнѣе истолковывалъ ихъ, того должны были они награждать. Намеки на нихъ встрѣчаются de Rep. X, p. 599 E. Phaedr. p. 262 B.

² Что греческіе рапсолисты любили декламировать и стихи Архилоха, свидѣтельствуетъ Атеней (XV, p. 630 C). Считаю нужнымъ замѣтить, что Шлейермахеръ напрасно видитъ здѣсь несостоятельность Сократа, который прежде самъ вызывалъ Иона къ декламации стиховъ Омировыхъ, а теперь говоритъ, что онъ будетъ еще имѣть время слушать ихъ, и спрашиваетъ о другомъ. Въ томъ-то и состоитъ столь свойственное Сократу искусство завлекать молодыхъ людей въ изслѣдованіе, что онъ сперва затрогиваетъ интересы ихъ самолюбія и потомъ уже нечувствительно заставляетъ ихъ слѣдовать за собою.

Сокр. А еслибы ты былъ прорицатель, то, умѣя рассказать о томъ, что говорится одинаково, умѣлъ ли бы рассказать и о томъ, что сказано различно?

Ионъ. Явно, что умѣлъ бы.

Сокр. Какъ же это? Въ отношеніи къ Омиру ты силенъ, С. а въ отношеніи къ Исiodу и прочимъ поэтамъ нѣтъ? Развѣ Омиръ говоритъ не о томъ, о чемъ всѣ другіе поэты? Не войну ли большею частію описываетъ онъ, не бесѣды ли другъ съ другомъ людей добрыхъ и злыхъ, лицъ частныхъ и дѣйствователей народных¹, не бесѣды ли боговъ то съ богами, то съ человѣками, какъ они бесѣдуютъ, не явленія ли на небѣ и въ преисподней, не рожденіе ли боговъ и героевъ? Не объ этомъ ли Омиръ сложилъ свои пѣсни?

Д.

Ионъ. Ты правду говоришь, Сократъ.

Сокр. Ну, а прочіе поэты не о томъ же ли самомъ?

Ионъ. Да, Сократъ; но сложили они не такъ, какъ Омиръ.

Сокр. Что жъ? хуже?

Ионъ. Да и много хуже.

Сокр. А Омиръ лучше?

Ионъ. Конечно лучше, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Но любезная голова², Ионъ! представь, что изъ мно-

¹ *Дѣйствователей народных* — *δημιουργῶν*. *Δημιουργοὶ* суть художники въ какихъ бы то ни было родахъ наукъ и искусствъ: въ ремеслахъ, это—цѣховые мастера; въ торговлѣ, это—главы компаній, въ театрѣ, это—антрепренёры. Вообще, это—лица, дающія направление и характеръ какому-нибудь общему дѣлу, или составляющія какбы пружину, которою приводится въ движеніе дѣятельность извѣстнаго круга людей, и по отношенію къ которой люди, находящіеся въ этомъ кругу дѣятельности, назывались *ἰδιῶται*, т. е. лица частныя и знающія только частное, а объ общемъ въ наукахъ и искусствахъ неимѣющія понятія. Сравни. *Plat. Sympos.* p. 178 В. *Protag.* p. 322 С. *de Rep.* III, p. 389 А. Платонъ въ такомъ же смыслѣ употребляетъ слово *δημιουργός*, означая имъ существо Божіе; ибо тогда Богъ есть творецъ, распорядитель живыми силами природы.

² *Любезная голова*, *Ионъ*, — *ὦ φίλη κεφαλὴ Ἴών*. Шлейермахеръ думаетъ, что эти слова—плохое заимствованіе изъ Омира: *Τεύχερε φίλη κεφαλὴ*, и что эта формула гораздо лучше перенесена въ Федра (p. 264 В): *Φαῖδρε φίλη κεφαλὴ*; потому что Платонъ въ этомъ случаѣ выдержалъ размѣръ. Но ученый критикъ не обратилъ вниманія на то, что слова: *ὦ φίλη κεφαλὴ*, встрѣчаются также въ Горгіасѣ (p. 513 С) и въ Эвтидемѣ (p. 293 Е): *μετὰ Διονυσιοδώρου τοῦτου φίλης κεφαλῆς*. Эта формула, безъ сомнѣнія, была обыденною поговоркою.

гихъ, разсуждающихъ о числѣ, одинъ кто-нибудь говорить превосходно: можно ли отличить этого, хорошо говорящаго человѣка?

Е. *Ионъ.* Полагаю.

Сокр. Кто же можетъ? тотъ ли, который отличить и худо говорящихъ людей, или иной?

Ионъ. Конечно тотъ самый.

Сокр. А это не есть ли человѣкъ, знающій искусство арифметическое?

Ионъ. Да.

Сокр. Что еще? когда изъ многихъ, разсуждающихъ о томъ, какая бываетъ здоровая пища, одинъ кто-нибудь говорить превосходно; то иной ли отличить говорящаго превосходно, что онъ превосходно говорить, и иной опять—говорящаго худо, что онъ худо говорить, или тотъ же самый?

Ионъ. Ужъ явно, что тотъ же самый.

Сокр. Кто жъ это? какъ ему имя?

Ионъ. Врачъ.

Сокр. Итакъ, скажемъ вообще, что если объ одномъ и томъ же говорятъ многіе; то всегда отличить одинъ и тотъ же, 532. кто именно говорить хорошо, и кто—худо, и что, касательно одного и того же, неумѣющій отличить говорящаго худо, очевидно, не отличить и говорящаго хорошо.

Ионъ. Такъ.

Сокр. Стало-быть, одинъ и тотъ же бываетъ силенъ и въ томъ и въ другомъ?

Ионъ. Да.

Сокр. Между тѣмъ ты говоришь, что Омиръ и прочіе поэты, въ числѣ которыхъ также Исідоръ и Архилохъ, разсуждаютъ хоть и объ одномъ и томъ же, однакожъ неодинаково, но первый-то хорошо, а послѣдніе—хуже?

Ионъ. И говорю правду.

Сокр. Такъ если ты знаешь разсуждающаго хорошо, то, должно-быть, знаешь и разсуждающихъ хуже, что, то-есть, они хуже разсуждаютъ.

Ионъ. Вѣроятно.

В.

Сокр. Значить, мы не ошибемся, почтеннѣйшій, если скажемъ, что Ионъ одинаково силенъ и въ Омирѣ, и въ прочихъ поэтахъ, поколику онъ самъ признается, что одинъ и тотъ же будетъ достаточнымъ судьей всѣхъ, говорящихъ объ одномъ и томъ же; а поэты почти всѣ разсуждаютъ объ одномъ и томъ же.

Ионъ. Однако, что за причина, Сократъ, что когда кто разговариваетъ о другомъ поэтѣ, я и вниманія не обращаю, и не могу внести въ разговоръ ничего достойнаго замѣчанія,— просто, сплю; а какъ скоро напомнятъ объ Омирѣ, тотчасъ пробуждаюсь, обращаю вниманіе и получаю способность говорить?

Сокр. Это-то нетрудно объяснить, другъ мой: всякому покажется, что ты не можешь говорить объ Омирѣ на основаніи искусства и знанія. Вѣдь еслибы твоею способностію управляло искусство; то ты могъ бы разсуждать и о всѣхъ другихъ поэтахъ; потому что поэзія есть цѣлое. Или нѣтъ?

Ионъ. Да.

Сокр. Пусть бы кто взялъ въ цѣлости и другое какое-ли-бо искусство,—не тотъ же ли образъ изслѣдованія касательно всѣхъ ихъ? Хочешь ли выслушать, Ионъ, какъ я разумѣю это?

Ионъ. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, я радъ слушать васъ, мудрецовъ.

Сокр. Хотѣлось бы, Ионъ, чтобы слова твои были справедливы; но мудры-то, должно быть, вы, рапсолисты, да комедіанты, да тѣ, которыхъ стихи вы поете: я же не говорю ничего болѣе, кромѣ правды¹, какъ свойственно человѣку простому. Заключай и изъ того, о чемъ я сейчасъ спросилъ тебя: какъ ничтожны, простоваты и всякому извѣстны слова мои,

¹ Я не говорю ничего болѣе, кромѣ правды,—οὐδὲν ἄλλο ἢ τὰληθῆ λέγω. Эти слова, кажется, несовсѣмъ идутъ къ Сократу, любившему притворяться, что онъ не знаетъ истины. Посему, вмѣсто τὰληθῆ λέγω, не слѣдуетъ ли читать τὰ εὐήθη λέγω? Это болѣе гармонируетъ и съ слѣдующими тотчасъ словами: οἶον εἰλὸς ἰδιώτην ζυθρωπὸν.

что изслѣдованіе будетъ то же, когда кто возметъ искусство вполнѣ. Объяснимся. Живопись не есть ли искусство всецѣло?

Юнъ. Да.

Сокр. А нѣтъ ли и не было ли многихъ живописцевъ хорошихъ и худыхъ?

Юнъ. Конечно есть.

Сокр. Такъ неужели ты видывалъ кого-нибудь, кто силенъ дать мнѣніе, что Полигнотъ, сынъ Аглаофона, пишетъ хорошо, и что нѣтъ, о прочихъ же живописцахъ сказать это не въ силахъ? И когда другой описываетъ дѣла прочихъ живописцевъ, неужели онъ спитъ, затрудняется и не знаетъ, какъ войти въ разговоръ, а если понадобится объявить свою мысль о Полигнотѣ, либо объ иномъ, которомъ угодно, одномъ живописцѣ, — тотчасъ пробуждается, обращаетъ свое вниманіе и готовъ рассказывать?

Юнъ. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не видывалъ.

Сокр. Ну, а между ваятелями — неужели видывалъ кого-нибудь, кто о Дедалѣ Митіоновомъ, или объ Эпей Панопсовомъ, в. или о Теодорѣ Самосцѣ¹, или объ иномъ какомъ-нибудь одномъ ваятелѣ, силенъ рассказать, что онъ изваялъ хорошо, касательно же работъ, принадлежащихъ прочимъ ваятелямъ, затрудняется, спитъ и не можетъ ничего сказать?

Юнъ. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, и такого не встрѣчалъ.

Сокр. Такъ значить, и между игроками на флейтѣ, либо на цитрѣ, и между пѣвцами подъ цитру, либо рапсодистами, ты, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, не видывалъ ни одного человека, который объ Олимпѣ, или Тамирѣ, или Орфеѣ, или Фиміѣ, итакскомъ² рапсодистѣ, рассказывать былъ бы въ

¹ Говорятъ, что статуи Дедала сохранились въ Греціи довольно долго, и потому-то, можетъ быть, Платонъ часто упоминаетъ о нихъ. Hipp. Maj. p. 282 A. Menop. p. 97 D. de Rep VIII, p. 529 D. О нихъ многое рассказываетъ Pausan. IX, 40, 2. И Эпей также усваиваютъ много статуй, о которыхъ см. Heinii Excurs. ad. Virgil. Aeneid. II, 264. О Теодорѣ же Самосцѣ говоритъ Плиній. Hist. Nat. 34. Diodor. Sic. 1, 1, 98.

² Произведенія вокальной музыки Олимпа, вѣроятно, дошли до временъ Сократа. По крайней мѣрѣ о нихъ говоритъ Aristophan. Equit. 9, гдѣ см.

состояніи, а касательно Іона ефесскаго затруднялся бы и не могъ разговориться, что онъ поетъ хорошо, и что нѣтъ.

Іонъ. Въ этомъ противорѣчить тебѣ, Сократъ, я не могу, а сознаю только, что объ Омирѣ говорю и готовъ говорить превосходнѣе всѣхъ, и что мое пѣніе въ отношеніи къ нему всѣ находятъ хорошимъ, а въ отношеніи къ другимъ—нѣтъ. Смотри ужь самъ, что это значить.

Сокр. Я и смотрю, Іонъ, и намѣренъ высказать тебѣ свое **D.** мнѣніе. Вѣдь что ты хорошо говоришь объ Омирѣ, это, какъ я недавно замѣтилъ, не есть искусство, а божественная сила, движущая тебя и находящаяся въ тебѣ, какъ въ камнѣ, который у Эврипида названъ магнитомъ, а у многихъ—ираклиемъ¹. Да, этотъ камень не только притягиваетъ желѣзные кольца сами по себѣ, но и сообщаетъ имъ силу дѣлать въ свою очередь то же самое, что дѣлаетъ камень, то-есть притягивать другія кольца; такъ что изъ взаимнаго сдѣпленія желѣзныхъ вещей **E.** и колець иногда составляетъ очень длинная цѣпь². Сила же

Schol. *Aristot. Polit.* VIII, 5. *Plutarch. De music.* p. 1133 C sqq. То же можно думать и о Тамирѣ, который, по свидѣтельству Плинія (*Hist. Nat.* VII, 36), первый началъ играть на цитрѣ, не сопровождая своей игры голосомъ. Еще съ большею вѣроятностію это самое можно утверждать объ Орсеѣ. *Lobeck. Aglaophon.* T. 1, p. 233 sqq. Менѣе всего въ этомъ отношеніи извѣстно о Фиміѣ.

¹ Платонъ въ этомъ мѣствѣ съ удивительною простотою и ясностію показываетъ различіе между поэтическимъ воодушевленіемъ и философскимъ созерцаніемъ. Какъ поэтъ, такъ и философъ,—оба проникнуты идеею предмета: но первый, дѣйствуя въ области фантазіи, не сознаетъ ея умомъ, какъ начало истиннаго и добраго, а чувствуетъ сердцемъ, какъ силу, порывающую его къ прекрасному; напротивъ, послѣдній, внося ея въ сферу разсудка не подвергается ея вліянію съ рабскою необходимостію, а стремится сознательно осуществить ея стройнымъ рядомъ понятій. У поэта чѣмъ сильнѣе порывъ восторга, тѣмъ меньше искусственности; напротивъ, у философа чѣмъ отчетливѣе мышленіе, тѣмъ удовлетворительнѣе наука. Поэтому порожденное музою твореніе поэта Платонъ весьма хорошо сравниваетъ съ магнитомъ, а расподста съ желѣзнымъ кольцомъ, которое само не знаетъ, почему влечется къ магниту. Магнитъ у Платона называется также *ираклиемъ* — по имени лидійскаго города Ираклен, въ окрестностяхъ котораго находили значительное количество магнитовъ. *Hesychius.*

² По замѣчанію Геснера (*ad Claud. idyll.*, подъ названіемъ *Magnes*, T. II, p. 653), это самое мѣсто Платонова разговора служило оригиналомъ Люкрецію для слѣдующихъ стиховъ (VI, v. 910 sqq.):

- всѣхъ ихъ зависить отъ того камня. Такъ-то муза сама творить людей вдохновенными; а чрезъ этихъ вдохновенныхъ составляется уже цѣпь изъ другихъ восторженниковъ. Вѣдь всѣ добрые творцы поэмъ пишутъ прекрасныя стихотворенія, водясь не искусствомъ, а вдохновеніемъ и одержаніемъ. То же
534. и добрые творцы мелоса. Какъ кориванты пляшутъ не въ своемъ умѣ; такъ и творцы мелоса пишутъ эти прекрасныя мелосы не въ своемъ умѣ: но лишь только попали на гармонію и размѣръ, то и вакханствуютъ, и являются одержимыми, будто вакханки, которыя, когда бывають одержимы, черпають изъ рѣкъ медъ и молоко, пришедши же въ себя, этого не могутъ. Вѣдь душа творцовъ мелоса дѣлаеть то, что они говорятъ; а говорятъ намъ поэты именно то, что свои мелосы
- V. почерпають изъ источниковъ, текущихъ медомъ въ какихъ-то садахъ и на лугахъ музъ, и несутъ ихъ намъ какъ пчелы, летая подобно имъ. И это справедливо; потому что поэтъ есть вещь легкая, летучая и священная: онъ не прежде можетъ произвести что-либо, какъ сдѣлавшись вдохновеннымъ и изступленнымъ, когда въ немъ нѣтъ уже ума; а пока это стяжаніе есть, каждый человѣкъ безсиленъ въ творчествѣ и въ
- C. изліяніи провѣщаній. И такъ, кто говоритъ много прекраснаго о предметахъ, какъ ты, тотъ водится не искусствомъ: всякій можетъ хорошо творить по божественному жребію—и творить только то, къ чему кого возбуждаеть муза,—одинъ дидирамвы, другой — стихотворныя похвалы, иной—плясовыя стихотворенія, тотъ—эпосы, этотъ—ямвы¹. Въ противномъ же слу-

Hunc homines lapidem mirantur: quippe catenam
 Saepe ex annulis reddis pendentibus ex se.
 Quinque etenim licet interdum pluresque videre
 Ordine demisso levibus jactarier auris,
 Unus ubi ex uno dependet subter adhaerens,
 Ex alioque alius lapidis vim vinclaque noscit.

¹ Между различными родами поэтическихъ произведеній Платонъ помѣщаетъ: 1, дидираммы: это — стихотворенія въ честь Вакха, плоды фантазіи изступленной и кипучей, но притомъ всегда веселой и торжественной; 2, *ἐγκώμια*, или похвальные оды, посвящавшіяся знаменитымъ мужамъ, оказавшимъ какія-нибудь услуги отечеству; 3, *ὑπορχήματα*, или стихотво-

чаѣ, каждый изъ нихъ слабъ. Явно, что они говорятъ это, водясь не искусствомъ, а божіею силою; иначе, умѣя по искусству хорошо говорить объ одномъ, умѣли бы и о всемъ прочемъ. Для того-то Богъ и дѣлаетъ ихъ служителями, вѣщунами и божественными провѣщателями не прежде, какъ по отнятіи у нихъ ума, чтобы, то-есть, слушая ихъ, мы знали, что не они говорятъ столь важныя вещи, поколику въ нихъ нѣтъ ума, а говоритъ самъ Богъ, только чрезъ нихъ издаетъ намъ членораздѣльные звуки. Сильнѣйшимъ доказательствомъ этого служить Халкидецъ Тиннихъ ¹, который никогда не написалъ ни одного достойнаго памяти стихотворенія, кромѣ пѣана; но этотъ пѣанъ, всѣми воспѣваемый и лучшій почти изъ всѣхъ мелосовъ, по словамъ самого Тинниха, есть просто изобрѣтеніе музъ. Такъ этимъ-то, мнѣ кажется, Богъ особенно выводитъ насъ изъ недоумѣнія, что прекрасныя стихотворенія суть не человѣческія и принадлежать не людямъ, а божіи и богамъ. Что же касается до поэтовъ, то они не иное что, какъ толмачи боговъ, одержимые—каждый тѣмъ, чѣмъ одержится. Съ этою цѣлю Богъ иногда нарочно воспѣвалъ прекраснѣйшій мелосъ устами самаго плохаго поэта. Или тебѣ кажется, Юнъ, что я говорю неправду? 535.

Юнъ. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ. Ты своими словами, Сократъ, какъ-то трогаешь душу. Я и самъ полагаю, что добрые поэты истолковываютъ намъ это волю боговъ, по божественному жребію.

Сокр. А вѣдь вы, рапсодисты, истолковываете творенія поэтовъ?

Юнъ. И это справедливо.

Сокр. Стало-быть, вы истолкователи истолкователей?

ренія лирическаго, съ пѣніемъ которыхъ соединяема была мимическая пляска. *Voetskius ad Pind. vol. I, p. II, p. 201 sq. T. II, P. II. p. 556. 596; 4, ἱαμβοὶ* т.-е. поэтическіе рассказы и вымыслы, особенно назначавшіеся для сцены. *Schneider ad Aristot. Polit. VII, 15, p. 447.*

¹ Объ этомъ Тиннихѣ не упоминаетъ никто, кромѣ Порфирія (*de abstinentia 1, 18*), который приводитъ слова Эсхила, свидѣтельствующаго, что пѣанъ, написанный Тиннихомъ, лучше всѣхъ произведеній этого рода.

Юнз. Безъ сомнѣнія.

- в. *Сокр.* Скажи же мнѣ, Юнзъ, да отвѣчай откровенно на мой вопросъ. Когда ты хорошо говоришь эпосъ и сильно поражаешь зрителей, когда, на примѣръ, воспѣваешь Одиссея, бросающагося на порогъ ¹, открывающагося женихамъ и разсыпавшаго стрѣлы предъ ногами ихъ, или Ахиллеса, гонящагося за Гекторомъ ², или, когда рассказываешь что-нибудь жалкое объ Андромахѣ, о Гекубѣ, о Пріамѣ ³; тогда въ умѣ ли бываешь ты, или внѣ себя, такъ что твоя душа будто бы находится близъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ она въ своемъ восторгѣ воспѣваетъ, на примѣръ, въ Иттакѣ, въ Троѣ, вообще тамъ, куда ведетъ ее эпосъ?

Юнз. Какой поразительно ясный признакъ высказалъ ты, Сократъ! Буду отвѣчать тебѣ откровенно. Если я говорю что-нибудь жалкое, то глаза мои наполняются слезами, а если грозное и ужасное, то отъ страха у меня волосы становятся дыбомъ и бьется сердце.

- д. *Сокр.* Такъ что же скажемъ мы, Юнзъ? въ умѣ ли бываетъ тотъ человѣкъ, который, нарядившись въ разноцвѣтное ⁴ платье и увѣнчавшись золотыми вѣнками, плачетъ въ дни жертвоприношеній и праздниковъ, — плачетъ, ничего не потерявши, или поражается страхомъ, стоя среди многихъ тысячъ дружественнаго себѣ народа, — поражается страхомъ, когда никто не грабитъ и не обижаетъ его?

Юнз. Неслишкомъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ, если сказать правду.

¹ См. *Homer. Iliad. XXII, 405 sqq. 437 sqq.*

² *Нарядившись въ разноцвѣтное платье.* Объясняя это мѣсто, Миллеръ приводитъ слова Евстаѳіа (*Eustath. ad Iliad. x, p. 6*), который говоритъ: Позднѣйшіе довольно драматически декламировали творенія Омира. Для пѣнія Одиссея они надѣвали пурпуровыя одежды, а когда намѣревались пѣть что-нибудь изъ Илиады, тогда являлись въ одеждахъ красныхъ. Первые, по понятію древнихъ, приличны были мореплавателю - Одиссею (вѣроятно, при этомъ имѣлись въ виду пурпуросносныя раковины); а послѣднія напоминали объ убійствахъ и о пролитой крови подъ стѣнами Трои.

³ См. *Homer. Odys. XXII нач.*

⁴ См. *Homer. Iliad. XXII. 311 sqq.*

Сокр. А знаешь ли, что вы и многихъ изъ зрителей заставляете то же дѣлать?

Юнз. И весьма хорошо знаю; потому что съ высоты своихъ подмостокъ всякій разъ вижу, какъ они плачутъ, либо бросаютъ грозные взгляды и цѣпенѣютъ, сочувствуя разсказываемымъ событіямъ. Мнѣ-таки и очень нужно обращать на нихъ вниманіе; потому что если оставлю ихъ плачущими, то, получая деньги, самъ буду смѣяться, а когда—смѣющимися, то, лишившись денегъ, самъ заплачу.

Сокр. Такъ тебѣ извѣстно, что послѣднее изъ колець, которыя, какъ я говорилъ, преемственно заимствуютъ свою силу отъ камня-ираклія, есть этотъ зритель, среднее—ты, рапсодистъ и комедіантъ, а первое—самъ поэтъ? Богъ, исходная 536. точка силы, чрезъ всѣ эти кольца, влечетъ души людей, куда хочетъ, и отъ него, будто отъ того камня, тянется чрезвычайно сложная цѣпь хоревтовъ, ихъ учителей и подучителей ¹, прильнувшихъ со стороны къ кольцамъ, имѣющимъ связь съ музою. Притомъ одинъ поэтъ зависитъ отъ той музыки, другой — отъ той, и это мы называемъ одержимостію—довольно В. близко, потому что онъ держится. Отъ первыхъ же колець, то-есть поэтовъ, идутъ въ зависимости уже и прочіе, всякій отъ своего, и восторгаются—одинъ Орфеемъ, другой—Муземъ, а бóльшая часть бываетъ одержима и овладѣвается Омиромъ. Къ числу послѣднихъ относишься и ты, какъ одержимый Омиромъ: посему, когда кто воспѣваетъ инога поэта, ты спишь и не чувствуешь въ себѣ способности говорить, а какъ скоро отзывается мелось, принадлежацій твоему поэту, тотчасъ пробуждаешься, душа твоя прыгаетъ, и ты готовъ раз- С. сказывать; потому что не искусство и знаніе даютъ тебѣ слова, которыя говоришь, а божественный жребій и одержимость.

¹ Тянется чрезвычайно сложная цѣпь хоревтовъ, ихъ учителей и подучителей. Подъ именемъ хоревтовъ древніе Греки разумѣли то же, что нынѣ хористы или пѣвцы, назначаемые для пѣнія въ хорѣ; имъ противопоставляются солисты. Wolf. Prolegg. ad Demosth. Mldian. p. XCI. А учителя и подучители, или помощники учителей, къ греческому театру принадлежали, какъ наставники въ хорномъ пѣніи. Hesich. v. ὑποδιδάσκαλος.

Какъ кориванты живо чувствуютъ только тотъ одинъ мелось, чрезъ который одержатся богомъ, и въ отношеніи къ которому богаты движеніями и словами, а о прочихъ не заботятся: такъ и ты, Юнъ, при воспоминаніи объ Омирѣ бываешь богатъ, а по отношенію къ другимъ—бѣденъ. Вотъ причина, о которой ты спрашивалъ меня, то-есть почему касательно

D. Омира ты обилень, а касательно прочихъ—нѣтъ: это потому, что ты сильный хвалитель своего поэта подъ вліяніемъ не искусства, а божественнаго жребія.

Юнъ. Хорошо говоришь ты, Сократъ; однакожь было бы удивительно, еслибъ удалось тебѣ столь же хорошо доказать мнѣ, что я прославляю Омира, находясь въ состояніи одержимости и изетупленія. Вѣроятно, я показался бы тебѣ не такимъ, еслибы ты послушалъ, каковъ обыкновенно бываетъ у меня рассказъ объ Омирѣ.

E. *Сокр.* Мнѣ и хочется-таки послушать, только не прежде, какъ ты отвѣтишь на слѣдующій вопросъ: о чемъ именно въ Омирѣ ты говоришь хорошо? вѣдь конечно, не о всемъ же.

Юнъ. Знай, Сократъ, что такого предмета у Омира нѣтъ.

Сокр. Значить, и о томъ, чего иногда ты не знаешь, а Омиръ говорить.

Юнъ. Да что же можетъ быть, о чемъ Омиръ говорить и

537. чего я не знаю?

Сокр. Да хоть объ искусствахъ—какъ часто и какъ много рассуждаетъ онъ! напимѣръ, о кучерскомъ. Если вспомню стихи, пожалуй скажу тебѣ.

Юнъ. Нѣтъ, я скажу; у меня это въ памяти.

Сокр. Такъ скажи мнѣ, чтѣ говоритъ Несторъ сыну своему Антилоху, когда убѣждаетъ его быть осторожнымъ при поворотахъ на ипподромѣ въ память Патрокла.

Юнъ. Самъ же крѣпко держись въ колесницѣ красиво-
плетеной,

Влѣво легко наклонись, а коня, что подъ правой
рукою,

B. Крикомъ гони и бичемъ, и бразды попусти совершенно;

Лѣвѣй же конь твой пускай подлѣ самой меты
 обогнется,
 Такъ чтобъ казалось, поверхность ея колесо очер-
 тило
 Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о ка-
 мень ¹.

Сокр. Довольно. Вотъ эти-то стихи, Юнъ,—правильно ли въ нихъ говорить Омиръ, или нѣтъ, кто лучше разбереть, С. врачъ, или кучеръ?

Юнъ. Конечно кучеръ.

Сокр. Потому ли, что онъ знаетъ это искусство, или по чему другому?

Юнъ. Ни почему, кромѣ этого.

Сокр. Каждому искусству не назначено ли богомъ какое-нибудь дѣло, которое ему можетъ быть извѣстно? Вѣдь, зная нѣчто чрезъ искусство кормчаго, мы, вѣроятно, не узнаемъ того же чрезъ искусство врачебное.

Юнъ. Конечно нѣтъ.

Сокр. А что чрезъ врачебное, того чрезъ плотническое.

Юнъ. Конечно нѣтъ.

Сокр. То же самое и въ отношеніи ко всѣмъ искусствамъ. Д. Что познаемъ чрезъ одно, того не узнаемъ чрезъ другое. И-такъ, отвѣчай мнѣ сперва вотъ на что: признаешь ли ты одно искусство отличнымъ отъ другаго?

Юнъ. Да.

Сокр. Но я называю одно отличнымъ отъ другаго, основываясь на томъ, что одно есть знаніе объ однихъ предметахъ, другое—о другихъ: такъ ли и ты?

Юнъ. Да.

Сокр. Вѣдь еслибы существовало какое-нибудь знаніе о е-тѣхъ же предметахъ, то какимъ бы образомъ мы различали то и другое, когда изъ того и другаго узнавали бы то же самое? Напримѣръ, я знаю, что этихъ колець пять; знаешь и ты, какъ я; слѣдовательно, знаешь объ этомъ то же самое. И

¹ Эти стихи взяты изъ Илиады. XXIII, 335 sqq.

еслибы я спросилъ тебя: изъ того же ли самаго искусства, то есть изъ ариѳметики, оба мы узнали то же самое, или изъ другаго? — ты, вѣроятно, отвѣчалъ бы, что изъ того же самаго.

Юнз. Да.

538. *Сокр.* Такъ отвѣчай же мнѣ теперь на тотъ вопросъ, который я недавно хотѣлъ предложить тебѣ: таково ли твое мнѣніе по отношенію ко всѣмъ искусствамъ, что изъ одного и того же искусства необходимо приобрѣтаются однѣ и тѣ же знанія, а изъ различныхъ не однѣ и тѣ же, но какъ скоро искусство будетъ особое, то и знаніе должно быть отличное?

Юнз. Мнѣ кажется, такъ, Сократъ.

Сокр. Стало-быть, кто не знаетъ какого-нибудь искусства, тотъ не будетъ въ состояніи хорошо знать относящихся къ тому искусству словъ и дѣлъ.

В. *Юнз.* Твоя правда.

Сокр. Возвратимся же къ произнесеннымъ тобою стихамъ: кто лучше узнаеть, хорошо ли говоритъ ихъ Омиръ, — ты, или кучеръ?

Юнз. Кучеръ.

Сокр. Вѣроятно потому, что ты рапсодистъ, а не кучеръ?

Юнз. Да.

Сокр. А искусство рапсодиста отлично отъ кучерскаго?

Юнз. Да.

Сокр. Если же отлично, то и доставляемое имъ знаніе относится къ отличнымъ предметамъ.

Юнз. Да.

Сокр. Что же теперь? когда Омиръ говоритъ ¹, что Гекамиды, наложница Нестора, предложила раненному Махаону
С. принять лекарственный напитокъ, и когда дѣло описывается какъ-то такъ:

Съ этимъ прамнійскимъ виномъ натерла козьяго сыру
Теркою мѣдной, а возлѣ питья былъ лукъ на закуску,—
тогда которому искусству лучше распознавать, правильно ли разсуждаетъ Омиръ,—врачебному, или рапсодическому?

¹ Омиръ говоритъ это въ своей Иліадѣ (XI. 639 sq.).

Іонъ. Врачебному.

Сокр. Ну, а когда онъ говоритъ ¹:

Быстро богиня, подобно свинцу, въ глубину погрузилась,
Ежели онъ, прирѣпленный подъ рогомъ вола степоваго, D.
Мчится коварный, рыбамаъ прожорливымъ гибель несущій,—

лучше ли, скажемъ, судить объ этомъ искусству рыболова, или рапсодическому, что значать и до какой степени справедливы слова его?

Іонъ. Очевидно, искусству рыболова, Сократъ.

Сокр. Смотри еще, положимъ, ты спросишь меня: если у Омира, Сократъ, ты находишь нѣчто такое, о чемъ должны Е. судить эти искусства порознь; то найди мнѣ также у него разсказъ, свойственный провѣщателю и провѣщанію,—такой разсказъ, въ которомъ только провѣщаніе могло бы распознать, хорошо или худо говорить поэтъ.—Смотри, какъ легко и вѣрно ² я буду отвѣчать тебѣ. Этого предмета Омиръ касается во многихъ мѣстахъ Одиссеи. Вотъ что, на примѣръ, провѣщатель Θεοκλιμενъ, изъ дома Меламподидовъ, говоритъ женихамъ ³:

Жалкіе люди! какія страданья вы терпите? Ночью 539.
Головы ваши, лица, всѣ члены до пятокъ закрыты;
Тяжкіе вздохи васъ жгутъ, а ланиты отъ слезъ раскраснѣлись;
Призраковъ сѣни полны, да и дворъ ими также наполненъ;
Въ мракѣ зреба они всѣ идутъ погрузиться; и солнце
Съ неба ушло, непріязни враждебная тѣма наступила. B.

Много подобныхъ мѣсть и въ Иліадѣ; на примѣръ, битва у стѣны, о чемъ Омиръ говоритъ такъ: ¹

¹ Эти стихи см. *Iliad.* XXIV, 80 sqq.

² Мы уже имѣли случаи много разъ замѣтить, что у Платона весьма нерѣдко употребляется имя прилагательное вмѣсто нарѣчія. Въ этомъ мѣстѣ употребленіе его тѣмъ замѣчательнѣе, что оно соединяется съ другимъ нарѣчіемъ: *ὡς ῥαδίως τε καὶ ἀληθῆ ἐγὼ σοὶ ἀποκρινοῦμαι*. Такое же соединеніе прилагательнаго съ нарѣчіемъ читаемъ *Protag.* p. 352 D: *καλῶς γε σὺ λέγων καὶ ἀληθῆ*; *Phaedon.* p. 79 D: *καλῶς καὶ ἀληθῆ λέγεις*; *Phaedr.* p. 234 E: *σαφῆ—καὶ ἀκριβῶς*.

³ О Θεοκλιμενѣ, происходившемъ изъ рода Мелампода см. *Odyss.* XV, 223—256.

⁴ См. *Iliad.* XII, 200 sqq.

- Ровъ перейти хотѣли они, но явилась имъ птица,
 Въ выси парящій орелъ, отсѣкавшій войско налѣво;
 С. Мчалъ онъ въ когтяхъ обагреннаго кровью огромнаго змѣя;
 Змѣй еще живъ былъ, крутился и брани съ орломъ не оста-
 вилъ;
 Взившись назадъ, своего похитителя близъ самой шеи
 Въ грудь уязвилъ онъ; и тотъ его бросилъ на землю, отъ боли
 Сильно страдая; и змѣй очутился среди ополченья;
 D. Самъ же онъ, крикнувши громко, понесся по вѣяню вѣтра.

Это и подобное этому, скажу я, долженъ разсматривать и оцѣ-
 нивать провѣщатель.

Юнъ. Ты правду-таки говоришь, Сократъ.

- Сокр.* Да и твои-то слова эти, Юнъ, справедливы. Выбе-
 ри-ка и ты мнѣ, какъ я выбралъ тебѣ кое-что, частію изъ
 Одиссеи, частію изъ Илиады, и покажь, что относится къ
 E. провѣщателю, что къ врачу, что къ рыболову, — выбери и
 ты мнѣ, такъ какъ въ стихотвореніяхъ Омира твоя опытность,
 Юнъ, выше моей, и укажи, что относится къ рапсодисту и
 рапсодическому искусству, что рапсодистъ можетъ разсмат-
 ривать и различать лучше всѣхъ другихъ людей.

Юнъ. Я рассказываю все, Сократъ.

Сокр. Но прежде-то говорилъ, Юнъ, что не все: неужели
 ты такъ забывчивъ? вѣдь рапсодисту вѣрно не годилось бы
 имѣть слабую память.

Юнъ. Да что же я забываю?

540. *Сокр.* Ты не помнишь, что искусство рапсодическое при-
 знано тобою отличнымъ отъ кучерскаго?

Юнъ. Помню.

Сокр. И не согласился ли, что искусство, отличное отъ дру-
 гаго, сообщаетъ и отличныя отъ другихъ познанія?

Юнъ. Да.

Сокр. Стало-быть, и рапсодическое; — и рапсодистъ, поль-
 зуясь своими способами, не все будетъ знать.

Юнъ. Но, можетъ быть, кромѣ такихъ только вещей, Со-
 кратъ.

Сокр. Однакожь, подъ такими утебя разумѣются предме- В.
ты почти всѣхъ прочихъ искусствъ. Такъ что же онъ будетъ
знать, если не все знаетъ?

Ионъ. Я думаю, то, что прилично говорить мужчинѣ, что
женщинѣ, что рабу, что свободному, что подчиненному, что
начальнику.

Сокр. Неужели рапсодистъ, по твоему мнѣнью, будетъ луч-
ше знать, нежели кормчій, что прилично говорить на морѣ
начальнику корабля, обуреваемого волнами?

Ионъ. Нѣтъ, это-то кормчій.

Сокр. А что прилично говорить начальнику больнаго, не- С.
ужели рапсодистъ будетъ знать лучше, нежели врачъ?

Ионъ. И это нѣтъ.

Сокр. Но что прилично рабу, утверждаешь ты?

Ионъ. Да.

Сокр. Напримѣръ, не волопасъ, а рапсодистъ будетъ знать,
что прилично сказать рабу-волопасу, когда онъ хочетъ укром-
тить разъяренныхъ воловъ?

Ионъ. Ну нѣтъ.

Сокр. Или что женщинѣ, прядильщицѣ шерсти, прилично
сказать о пряжѣ шерсти?

Ионъ. Нѣтъ. D.

Сокр. Или что мужчинѣ-полководцу прилично сказать во-
инамъ, командуя ими?

Ионъ. Да, это будетъ знать рапсодистъ.

Сокр. Какъ? Стало-быть, рапсодическое искусство есть ис-
куство полководца?

Ионъ. Однакожь, я знаю, что прилично сказать полководцу.

Сокр. Вѣдь можетъ быть, Ионъ, ты и знатокъ въ вожденіи
войскъ; потому что еслибы, бывъ искусенъ въ верховой ѣз-
дѣ, ты вмѣстѣ отличался и искусствомъ играть на цитрѣ, то
это не помѣшало бы тебѣ знать, — хорошо, или худо выѣзжаны
лошади. Но положимъ, я спросилъ бы тебя: которымъ иску- E.
ствомъ, Ионъ, ты узнаешь хорошо выѣзжанныхъ лошадей? какъ
ѣздокъ, или какъ цитристъ? Что отвѣчалъ бы ты мнѣ?

Ионъ. Какъ ѣздокъ, сказалъ бы я.

Сокр. А еслибы узнавалъ хорошо играющихъ на цитрѣ, то согласился бы, что узнаешь ихъ, какъ цитристъ, а не какъ ѣздокъ?

Ионъ. Да.

Сокр. Когда же ты узнаешь дѣла, относящіяся къ военачальнику, то узнаешь, какъ человѣкъ искусный въ управленіи войскомъ, или какъ отличный рапсодистъ?

Ионъ. Мнѣ кажется, это все равно.

541. *Сокр.* Какъ все равно? однимъ ли считаешь ты искусство рапсодиста и искусство полководца, или двумя?

Ионъ. Мнѣ кажется, они—одно.

Сокр. Стало-быть, кто—хорошій рапсодистъ, тотъ бываетъ и хорошимъ полководцемъ?

Ионъ. Непремѣнно, Сократъ.

Сокр. А кто бываетъ хорошимъ полководцемъ, тотъ и хорошій рапсодистъ?

Ионъ. Этого-то не думаю.

Сокр. А то думаешь, что кто—хорошій рапсодистъ, тотъ и хорошій полководецъ?

В. *Ионъ.* Конечно.

Сокр. Но изъ Эллиновъ ты—самый отличный рапсодистъ?

Ионъ. И очень, Сократъ.

Сокр. Неужели, Ионъ, ты и самый отличный между Эллинами полководецъ?

Ионъ. Знай, Сократъ, что этому-то я научился у Омира.

Сокр. Что жъ это значить, Ионъ, ради боговъ? Будучи отличнѣйшимъ изъ Эллиновъ въ томъ и другомъ, — отличнѣйшимъ полководцемъ и рапсодистомъ, почему ты странствуешь по Греции и рапсодируешь, а не предводительствуешь войсками? Развѣ, думаешь, отъ рапсодиста, увѣнчаннаго золотымъ вѣнкомъ, Эллинамъ много пользы, а отъ военачальника—никакой?

Ионъ. Мое отечество, Сократъ, управляется и предводительствуется вами, а потому не имѣетъ нужды въ военачаль-

никъ: вашъ же городъ и Лакедемонъ не изберутъ меня въ военачальники; потому что вы почитаете достаточными для этого самихъ себя.

Сокр. Не знаешь ли ты, почтеннѣйшій Юнъ, Аполлодора кизикскаго?

Юнъ. Какого это?

Сокр. Котораго Аѳиняне, не смотря на то, что онъ иностранецъ, часто избирали себѣ военачальникомъ; да и Фанос-
еена Андрійца и Ираклида клазоменскаго, которыхъ, хоть и
иностранцевъ, этотъ же городъ почтилъ своимъ мнѣнемъ,
какъ людей, достойныхъ вниманія, и возлагаетъ на нихъ
военачальническую и другія правительственныя должности ¹.
Такъ Иона ли ефесскаго не почититъ онъ и не изберетъ въ военачальники, если признаетъ его достойнымъ вниманія? Да что еще? развѣ Ефесяне, по происхожденію, не Аѳиняне ², и развѣ Ефесъ меньше другихъ городовъ? Нѣтъ, ты, Юнъ, несправедливъ, когда справедливо, что твоя способность прославлять Омира зависитъ отъ искусства знанія:—ты увѣрялъ меня, что знаешь много прекраснаго изъ Омира и обѣщался показать это, а между тѣмъ обманываешь меня; ибо нетолько не по-

¹ Атений (XI, с. 114, р. 506 А) говоритъ: *ὅτι δὲ καὶ δυσμενῆς ἦν (Платонъ) πρὸς Ἀπαντας, δῆλον καὶ ἐκ τῶν ἐν τῷ Ἰωνί ἐπιγραφόμενον. Ἐν ᾧ πρῶτον μὲν κακολοῦσι πάντας τοὺς ποιητάς· ἔπειτα καὶ τοὺς ὑπὸ τοῦ δήμου παραγομένους, Φανοσένη τὸν Ἀδρίου, Απολλώσωρον τὸν Κυζικηνόν, ἔτι δὲ τὸν Κλαζομένιον Ἰρακλείδην.* Но что въ этомъ мѣстѣ для упоминаемыхъ лицъ высказано оскорбительнаго или враждебнаго,—я не вижу. Скорѣе отсюда и изъ другихъ многихъ свидѣтельствъ этого дилософиста видно собственное его враждебное чувство въ отношеніи къ Платону. Развѣ колкость словъ Платона находилъ онъ въ томъ что эти люди не сдѣлали для республики ничего замѣчательнаго, а между тѣмъ превознесены отъ Аѳинянъ почестями. Объ Аполлдорѣ и Ираклидѣ, дѣйствительно, ничего неизвѣстно; а Фаносеенъ, по сказанію Ксенофота (Hist. Graec. 1, 5, 18 и 19), посылаемъ былъ съ войскомъ противъ его земляковъ, Андрійцевъ, и это было на 2 году 93 олимп. Отсюда Астъ заключаетъ, что Юнъ написанъ вскорѣ послѣ сего времени. Сравни. *Aelian. V. H. XIV, 5.*

² *Развѣ Ефесяне, по происхожденію, не Аѳиняне?* Извѣстно, что колонію въ Малой Азіи основали сыновья Кодра. Эта колонія, поселившаяся на западномъ берегу, впоследствии получила самостоятельное политическое существованіе подъ именемъ Юніи. *Perizon. ad Aelian. V. H. VIII, 5.*

казываешь, даже не хочешь сказать, въ чемъ именно ты силенъ, хоть я и давно догучаю тебѣ объ этомъ. Ты просто, какъ Протей, принимаешь разные образы, бросаемые туда и сюда, и наконецъ, думая ускользнуть отъ меня, являешься полководцемъ, лишь бы только не показать, въ чемъ состоитъ
 542. твоя Омировская мудрость. Итакъ, если ты искусникъ, но, обѣщавшись, какъ я замѣтилъ, показать свое искусство въ Омирѣ, обманываешь меня; то дѣло твое неправое: напротивъ, если ты водишься не искусствомъ, а божественнымъ жребіемъ, поколику одержишься Омиромъ и, ничего не зная, говоришь изъ этого поэта много прекраснаго, какъ я и прежде упоминалъ; то неправды тутъ нѣтъ. Выбирай же теперь любое¹: почитать ли намъ тебя человѣкомъ несправедливымъ, или божественнымъ?

В. *Ионъ*. Какая разница, Сократъ! Ужъ гораздо лучше называться божественнымъ.

Сокр. Такъ это-то лучшее и достается тебѣ отъ насъ, *Ионъ*, — достается быть божественнымъ, а не искуснымъ хвалителемъ Омира.

¹ *Выбирай любое.* Въ заключеніе діалога вышла дилемма, показывающая, что *Ионъ* либо есть человѣкъ божественный, — и въ такомъ случаѣ ничего не знаетъ, либо онъ дѣйствительно знаетъ нѣчто, — и тогда есть человѣкъ несправедливый. Выбирай любое.